

ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕКСТА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается вариативность порождения текста как одно из проявлений высокого уровня народно-речевой культуры. Вариативность проявляется в реализации общего замысла повествования, его структурировании, изменении деталей и объема текста, мене коммуникативных регистров и способов представления субъекта речи, характере поясняющих комментариев, использовании разнообразных по форме и семантике языковых средств. Выявляются субъективные и объективные факторы создания вариативного текста в спонтанной речи диалектоносителя.

Ключевые слова: народно-речевая культура; диалектная языковая личность; текст; вариативность.

Проблемы речевой культуры, отражающей духовную культуру народа, всегда находились и находятся в центре внимания исследователей и пользователей языка. Особенно возрастает интерес к этим проблемам в наши дни, когда много говорится о падении уровня речевой культуры в современном социуме. Заинтересованность общества в сохранении и развитии культурных традиций породила закономерный интерес языковедов и к реальному многообразию проявлений означенного феномена, и к его эталонным проявлениям как образцам для подражания.

Хотя мысль о существовании в рамках национальной культуры различных типов речевой культуры была выдвинута Н.И. Толстым [1] более 20 лет назад, в данном аспекте лингвистами рассматривается, как правило, только речь носителей литературного языка. В.Е. Гольдиным и О.Б. Сиротининой [2] предложена классификация типов речевой культуры в среде образованных горожан. Активно исследуются элитарный тип литературной речевой культуры и его представители – элитарные языковые личности. Эти достаточно редкие феномены интересуют ученых в качестве эталона овладения языком как важнейшей частью национальной культуры (см. работы Н.И. Белуновой, С.М. Дрокина, И.А. Иванчук, Г.Г. Инфантовой, И.С. Кондратьевой-Фишер, Т.В. Кочетковой, А.П. Романенко и др.).

Вместе с тем понятие речевой культуры в современной лингвистике пересматривается. Отходя от узко нормативного понимания данной категории, ученые начинают рассматривать речевую культуру как систему качеств речи, свидетельствующих о ее совершенстве (О.И. Блинова, А.Н. Ксенофонтова и др.). С этой точки зрения нелитературные формы существования языка почти не изучены. Особого внимания в обозначенном аспекте заслуживает народно-речевая культура – основа всех типов национальной культуры.

Слабая степень исследованности речевой культуры местных говоров порождает ее неоднозначные оценки. Наряду с признанием высокой степени образности, выразительности народной речи, более пристального, чем в городской среде, внимания к этической стороне общения встречаются также утверждения о низком уровне текстовой организации диалектного дискурса. Отмечается, что диалектоносители могут лишь воспроизводить фольклорные тексты, что для них «характерна неспособность отвлекаться от конкретной ситуации, как-то обобщить ее, поэтому вместо организованного тексто-

го построения (с началом, разворачиванием темы и ее завершением) речь формируется на основе возникающих в сознании ассоциаций, отсюда бесконечные повторы, вопросы к непосредственному слушателю, если это устный рассказ, постоянные уточнения, фактически ничего не поясняющие» [3. С. 3–4]. Таким образом, умение создавать текст связывается только с достаточно узким кругом элитарных языковых личностей, хорошо усвоивших нормы литературного языка [Там же].

Приведенная точка зрения обусловлена, с одной стороны, взглядом на текст в целом с позиций кодифицированной разновидности общенародного языка, с другой – отсутствием достаточного материала, отражающего реальную дискурсивную практику различных по типологическим характеристикам индивидов.

В рамках многоаспектного исследования феномена диалектной языковой личности, осуществляемого лингвистами Томской диалектологической школы, изучаются в том числе и особенности текстов представителя русских старожильческих говоров Сибири. Наши наблюдения свидетельствуют, что носители данного типа культуры, вопреки высказанной точке зрения, не только способны к текстовой организации повествования, но и демонстрируют ее высокий уровень. Проявления развитой речевой способности многообразны; статья посвящена одной из форм этого проявления – способности к созданию вариативного текста.

Объектом анализа послужила речь сибирской крестьянки В.П. Вершининой, жительницы с. Вершинино Томской обл., 1909 г., русской, малограмотной. Наблюдение над информантом осуществлялось методом включения в языковое существование говорящего в течение четверти века (57 экспедиционных выездов за 1981–2004 гг.). Источником материала является текстовый архив автора – около 10 000 страниц дешифрованной с магнитной ленты звучащей речи, записанной в условиях непринужденного общения.

Включение в языковое существование носителя диалекта позволило пронаблюдать ряд ситуаций, когда одно и то же событие несколько раз служило предметом обсуждения с различными партнерами по коммуникации. Сравнение таких фрагментов дискурса показало, что диалектоноситель обладает способностью к созданию высоковариативного текста в спонтанной речи¹. Под вариативностью в данном случае понимаются ситуативные видоизменения как формальной, так и содержательной сторон текста на фоне инвариантно-

го ядра. Как отмечает Л.И. Скворцов, вариативность речи (наряду с ее целесообразностью) являются сердцевиной речевой культуры [5].

Неоднократно зафиксирован, например, рассказ о большом пожаре в Вершинино, когда в результате неосторожного обращения односельчанки с огнем сгорел и дом информанта, и значительная часть родного села. Повторяемость этой темы в дискурсе диалектоносителя не случайна: дом – одно из ключевых понятий русской национальной культуры, особо значимое в культуре крестьянской. Утрата дома поистине трагична и воспринимается как одно из судьбоносных событий в жизни диалектной языковой личности.

Три текста на эту тему записаны с интервалами 2–3 года (1988, 1991 и 1993 гг.) и различаются по объему (238, 325, 832 слова). Рассматриваемые фрагменты дискурса выдержаны в монологической форме, с единичными вкраплениями вопросов слушателей. Все рассказы прозвучали в доме информанта в присутствии автора статьи, воспринимаемого говорящим в качестве человека близкого, не постороннего. Приведем зафиксированные тексты²:

1

А тут в тридцать девятом году тридцать первого мая сгорели. Тоже Степан [муж] на полях был где-то, в Луча'нове, а я тоже на полях там, до'ма была. Пришли – вся деревня сгорела. Не вся деревня сгорела, а знаешь, откэ'дова? Где вот Физа живёт, подальше Физы ешо один дом, вот этот дом загорелся. Двадцать четыре дома сгорело. Вот эта Татьяна Лексе'вна, – я тебе говорила, однако? – она пришла домой, только вза'муж вышла, молодая, ну лет 18 ей было, 19, может, было. Постирала, а раньше угли замачивали, таки' чугунки были больши', в чугунку угребают из русской печки – ка'жний день печку топили (у меня голосу нет, перехватывают, мне грудь стеснило), – угли угребают, ну сковородой ли чем складуют туды', самовар грели угля'ми, и закроют сковородой ли чем-нибудь так, они там потухнут. А Татьяна-то пришла домой да и сду'мала постира'ться. А там корзина стояла, большу'ча така' корзина, называ'тся «двухру'шина», – она у ей стояла в к'ладовке, они угли ссы'пали туды', как вот у меня же кладовка, там окошечко, и половик тут висе'лся. Она вы'сыпала чугунку-то, а ветерок-то подул, раздул их. Они вроде бы чёрны изде'лались-то, а горя'чи были. Ну, она пока попарила, постирала, пошла полоска'ться, пришла домой, а уж дом-то догора'т у ей. Там снутра' загорелось всё. Все сгорели. И вот мы тоже тогда' сгорели. Там – ой! Сколько хлеба было. Степан трактористом работал, сколь хлеба у нас было – дак, наверно, до сех пор всё это... Рожь-то как сгорела, пашени'ца, зёрнышки-то как сгорели, они долго-долго всё были там.

2

Ой!.. Я горела. Всё гыт: два раз сгореть, чем раз обгореть. А... мы тоже там жили подальше. Тут от... ну, сколько там? Ну, не так далеко тут жили. Домик хоро-ошенький был у нас. Такой... ну, только крытый так на' два ската. Как у Лексе'й Николаича, такой от был дом. Ага. Наличники были, всё, окна хоро'шии были... А потом это... Мы только пять лет прожи'ли. Кухня больша-а была! Комнатка-то по-

меньше. Хороший дом был. Новый, прямо карниз был, и всё хорошо было сделано. И там одна женишина – Татьяна Лексе'вна – пришла домой, с работы – на горке, там, де Пана Кузина-то жили, – пришла домой она, да и сду'мала постира'ться. А раньше ить всяко жили, тоже... А у их така' чугунка больша' была, чугун такой большу'чий, угли туды' накладу'т, потом их это, зальют там, да и закроют, сковородой либо чем-нибудь, какой крышкой. А она пришла домой-то, да и сду'мала постира'ться, взяла да эти угли-то вывалила, там в корзинку вываливали. Корзинка была больша'. А над корзинкой гыт половики висе'лись. Она в эту корзинку-то – они чё-орны, угли-то, она молодая' была... Ну, ей сколько? лет 18 было, наверно. Ли побольше, может, было. Может, 20. Вот она двадцать первого году, а это было в тридцать девятом году. Ну, она вза'мужем была, долго уж жила. И она взяла да эту корзинку-то и вывалила, в к'ладовку. А в к'ладовке-то окошечко, ветер-то стал поддывать, и всё загорелось: эти угли, и корзинка загорелась. А она ушла на' реку полоска'ться, идёт – уж там пыл, всё пыла'т. И всё сгорело. И вот 24 дома, 25 сгорело. И наш домик-то сгорел, кода мы жили со Степаном-то. И всё сгорело. И он был... в Луча'новой был, а я на Ела'ни была. Приходим – только пеньки одни. Всё сгорело. Всё сгорело. Ага. И картошки-то, и хлеб-то сгорел... Таскали нам всё. Вот Колин отец принёс: ведро картошки принёс да это... А мы жили, де Анна Григорьевна живёт. Тут моя подруга была, дак она: «Пойдём...» [жить к нам] – [село] Магада'ево знаешь где? У меня там подруга, от она тут жила.

3

Дак а от я тоже так же [сгорела]. Ушли на работу мы: Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля. А потом это, все спят, а мне пошто-то не спится. Я говорю: «Давайте, поработайте пораньше, да... побольше, да это, не будем долго итдыха'ть», – всё равно всё с меры да со ишоту было-то, хоть чё делали, – я говорю: «Да домой подёмте пораньше». Много нас там женишин было! – «Ну, чё! Ну да, чё да... Давайте, итдохнёмте!» Ну мне не спится! Ну не я одна, много там сгорело так баб-то. А от эта са'ма Татьяна-то Лексе'вна наду'малась тоже... Вышла вза'муж – ну лет ей 18 было, кода' она уходила, может, не было ешо восемнадцать-то? Она с двадцать первого году, а пожар был в тридцать девятом, весной. Ешо, наверно, восемнадцать ей не было. Ага. А раньше это, – она вышла тут, на Горке, де Пана Кузина, ты бува'ла у ей раньше тут-то, а'ли нет? Как де загорело... Ну, Физа де жила, Василия Егорыча живёт-то, – мале'нько подальше туды', через... ну, через один дом, один дом только рядом с Физой. Она тут в этот дом выходила вза'муж. А раньше это, чигунки были таки' больши' – ну он у меня в бане есь одна чигунка... угли замачивали, самовары-то грели. Она взяла да это... пришла, из госсорфо'нд-то, а угли эти – корзинка стояла, гыт, тут двухру'шина така', плетёна, из прутьев, в к'ладовке. А тут спичка, гыт, така'. А на спичке полови'чка висе'лась, половик, видно... так, как раньше это всё было, я всё знаю. И она вы'сыпала в корзинку эти угли-то. Они вроде тёмны; а там окошечко – а их стало раздувать. И это, угли-то разгорелись, как бы от так от, как в печке

бы разгорелись. И половичка тут-ка как-то спы'хнула, нагрелась. И корзина, корзинка-то загорелась. И всё загорелось, она пока выпарила бельё-то, да пошла полоскать, и откэ'дова-то идут – а там уже дом-то догора'т! Тоже всё сгорело. Дак её – ой, её так срамили её, ругали так! Хотели даже – она пряталась, её хотели в огонь бросить. Угу. Ругали, ши'бко её ругали. [Не били?] Нет. Да она пряталась, кто будет бить её, она пряталась. [Где?] Бегала куды'-нибудь, спрячется да и всё.

А я-то... И я – с полей-то иду, а тут пеньки, только дымочек идёт! А у нас домик-то был в тридцать девятом только... В тридцать девятом сгорели, а мы перешли в тридцать пятом. Хороший домик был! От как рядом с этим от – Лексе'я Николаича, Каря'кина дом такой... Напро'ти Поля мы жили-то. Ой, Степан приехал – тоже к пеплу. Встреча'т меня бежит – он уважал меня, правда, дружно мы жили. Он бежит меня, встреча'т: «Ну ничё, не мы одни, ничё, не горюй уж, ну чё, не мы одни...» – уговариват меня. А чё «не мы одни»? – прям нагишом остались. Картошки все сгорели, пашени'ца была, и рожь была и, мука и... – всё сгорело! Анба'р сгорел, коню'шина сгорела, курицы... – и всё погорело. А поросята... свиня' с поросятами была – кто-то куды'-то выташи'ли, выгнали. [Спаслись?] Спаслись, ага. Коровы на полях были. Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым! От мы тогда' к Нюре Ко'лчиной, она: «Вера, пойдёте к нам!» От письмо-то [от неё получила]. Мы с ей подруги были. Вместе работали. Вязали помно'го. Большие меня дак нихто' не навязывал, ей-богу, Катя! А я это она от и час [в письме] помяну'ла: «Тысячу снопов нихто' не навязывают».

Вот сколько тогда', я не знаю, домов... Двадцать с чем-то сгорело. Ну-ка, сейчас я поишьютаю. Это, так: Кара'мышев – раз, Андрей Иванович – два, Василия Егорыча – три, Миха'л Егорыча – четыре, Прокофий Степанычев – пять, Лексе'я Ларионыча – шесь, Иван Афанасыча – семь, Иван Миха'лыча – восемь, Кири'лин – девять, Марыи Матве'внин – десять, Михаил Степанычев – одиннадцать, наш – двенадцать, наш последний. На нашем пожар остановился. Наш – двенадцать... [Далее считает дома по другой стороне улицы:] Трифон Афанасычев – тринадцать, Миха'л Гаврилычев – четырнадцать, сельсоветский дом был – пятнадцать, тут Пётра Михалыч... Пётра Дими'трич – семнадцать... винопо'лка была... здесь винопо'лка была – восемнадцать... Марыи Мефодьевны – девятнадцать, Василь... как его? пошто' я забыла-то? Фёдор Васильич, ли как ли его? – двадцать. Двадцать, двадцать, двадцать... Забыла, как?... Ланне'й, о'бшем, был – баба-то [его], ши'бко уж она ругалась! О'бшем, двадцать три ли чё ли дома сгорело.

[Что такое винополка?] Ну, вино продавали, винопо'лка была. Там сколько вина-то было? [Там только продавали, не делали вино?] Продавали только, привозили. Ликёры вся'ки, и четвертя'ми, и буты'лками, и литровыми, и шкалики, и каки'-то ма'леньки таки', чету'шки и вся'ки... Каки' только не было. Всё сгорело.

У меня сколько половиков было, сгорело. Яишык [сундук] от спасся, выташи'ли. У нас бы... много выташи'ли так бы всё... ну хлеб-то не ута'сывали.

Муку-то там не'кода было. А это, на зады выташи'ли. А там стоял анба'р у нас, и коню'шина. А как – они выташи'ли, трюмо большо' было, это... модно было тогда' всё... Всё повытаскали.

...сгорела. И Степан ушёл [из семьи]. И Мишенька – вон чё наделал. От сколько я пережила. Да говорят, «худа' да ши'бко ста'ра» – небось, соста'рися, будешь!.. Ешо дюжила как-то, терьпела. Не дай бог.

Как можно видеть, все рассматриваемые тексты имеют общую ядерную часть, посвященную собственно пожару. С незначительными различиями обозначается хронологическая рамка события (текст № 1: называется год и точная дата; № 2: только год; № 3: год и время года; место происшествия указывается как через топоним на Горке, так и через соотнесение с усадьбами односельчан), даются сведения о виновнице несчастья (во всех случаях упоминаются ее имя и возраст, подчеркиваются молодость и недавнее замужество как косвенное смягчение вины; в двух текстах назван год рождения) и причине пожара (описаны действия женщины, предметы утвари, связанные с происшествием, и ситуация появления открытого огня).

Все три фрагмента дискурса содержат характерные для диалектной языковой личности особенности [6. С. 181–195]. Дискурс диалектоносителя ярко отражает типичный для всех форм разговорной речи коммуникативный антропоцентризм и эгоцентризм: тексты сосредоточены на теме «человек» и воплощаются как «я и событие», «событие в моей жизни», «событие моими глазами» [7. С. 47; 8. С. 196]. Осознание себя частью крестьянского социума проявляется через местоимение *мы* (*мы* – семья, *мы* – жители Вершинина), вербализованное или подразумеваемое при употреблении глагольных форм *сгорели*, *прожили*, *хотели*, *перешли*, *остались* и т.п. Рассказы отличаются фактичностью, большим количеством деталей. Несмотря на наличие ситуативных отвлечений от темы (в тексте № 1 – у меня голосу нет, перехва'тывают, мне грудь стеснило, в тексте № 3 – упоминание о только что полученном письме от подруги и пояснение о винополке в ответе диалектологу), повествование развивается логично, последовательно: в каждом случае можно вычленил завязку рассказа, развитие темы, кульминацию и развязку. Соблюдается общий для языковой личности принцип создания связного текста посредством служебных слов *а*, *ну*, *и*, *и вот*, *и это*, *а это*, *ага*, *угу*, *вот* и повторов одних и тех же лексем в смежных высказываниях: *Пришли – вся деревня сгорела. Не вся деревня сгорела, а знашь, откэ'дова?*; *Корзинка была больша'.* *А над корзинкой гыт половики висе'лись;* *Яишык от спасся, выташи'ли.* *У нас бы... много выташи'ли так бы всё...* и т.п. В каждом из текстов имеют место многократно повторяющиеся ключевые слова раскрываемой темы: *сгореть* (8, 8 и 12 раз соответственно), *дом / домик* (4, 5, 10), *всё / все* в обобщающем значении (4, 6, 4), *угли* (4, 3, 4). Кроме указаний на точное время и место происшествия, все варианты рассказа содержат большое количество онимических, пространственных и количественных конкретизаторов: упомянуто в общей сложности 27 поименованных персон и 4 топонима; обозначаются место нахождения рассказчицы и ее мужа в момент события, место расположения нескольких

домов односельчан и сгоревшего дома повествователя, место работы виновницы происшествия и теперешнее место жительства подруги, когда-то позвавшей погорельцев пожить у неё; указываются число сгоревших домов, год постройки своего утраченного дома и прожитое там время. Тексты включают модально-вводные и служебные слова, маркирующие характерную для диалектного дискурса некатегоричность повествования: *однако, может, ли, ли чё ли, наверно*.

В содержательном плане эти фрагменты достаточно близки; однако налицо и ряд существенных различий в объеме повествования, композиции, деталях, используемых говорящим языковых средствах.

Часть особенностей, определяющих вариантность текстов, связана с их структурно-композиционными характеристиками.

1. В более кратких вариантах (тексты № 1 и 2) описание события является лишь одним из звеньев общей канвы повествования о пережитом.

В первом случае воспоминания начинаются с темы «кража в начале войны» (*Война началась, а девятнадцатого сентября меня обокрали. <...> До капельки всё утащишили, в чем была, в тем осталась*), продолжают темой пожара и завершаются темой «приобретение и достройка нового дома без ушедшего на войну мужа» (*В тридцать девятом сгорели, а в сорок первом война уж началась, мало пожил. <...> А он куда ушёл тут – я не знаю, в каки'м году, – ну он ушёл, я перестроила её [избу], всю...).*

Во втором случае и состав тем, и их порядок меняются: «пожар в доме из-за неисправной печи» (*Я открыла дверь-то – тут ничё не видать. А у меня уж – и постель горит, подушки все сгорели, половина подушки, на'волок – всё сгорело!*) – «пожар в деревне» – «покупка нового дома» (*Ну и вот, и мы сгорели. И перешли тут-ка. Дом купили, Николай Васильевич мы купили дом-то, Степан купил...*) – «уход мужа на фронт» (*А он ешо в сороковы'м ушёл на фи'нску. Год служил тоже в армии, был на войне там. А тут это, война в сорок первом-то*) – «неоднократные кражи» (*Ой, у меня так обворовали тут-ка – не дай бог! С берега прям захо'дют тут и всё... Да сколько раз прям... <...> У меня эти шеися'т мешков утащишили, капуста была в кастрюле, больши' таки' кастрюли-то, кастрюлю эту капусту утащишили, и это, бутылки эти все утащишили. Угу. Прямо от... А но'нче сколько раз – но'нче свету' только рвали всё в огороде...).* Попутно заметим, что частная тема кражи тоже варьируется, наполняясь описанием разных эпизодов.

Наиболее развернутому описанию сельского пожара (текст № 3) предшествует рассказ о жизни соседей и их городских родственников, в квартире которых произошло короткое замыкание (*Сгорели они прошлого'д. <...> С того угла загорелось, де телеви'зер шёл...*). По ассоциативной связи (*Дак а от я тоже так же [сгорела]*) возникает повествование о пожаре в собственном доме, неразрывно связанное с трагическими событиями для всего села. Данная тема не дает толчка развитию новых, являясь завершающей в дневном дискурсе информанта (разговор ведется перед сном, общение заканчивается репликой *Иди ложись давай* в адрес собеседника), но в резюмирующей части намечены оставшиеся не раскры-

тыми в рассказе другие эпизоды нелегкой личной судьбы: *...сгорела. И Степан ушёл [из семьи]. И Мишенька – вон чё наделал. От сколько я пережила*.

Таким образом, степень развернутости рассказа о событии связана с его **ролью в общей структуре коммуникации** с собеседниками. В зависимости от общего замысла говорящего выстраивается сценарий повествования с порядком переходов от эпизода к эпизоду и «масштабирования» при описании событий в тексте (максимально крупный план в данном случае представлен в третьем варианте рассказа).

2. Сопоставляемые тексты отличаются также **составом частных подтем**, развивающих и дополняющих ядерную часть с собственно описанием пожара.

В наиболее лаконичном варианте рассказчица завершает описание пожара упоминанием о сгоревшем семейном запасе зерна (*сколь хлеба у нас было... рожь-то как сгорела, пашени'ца...*). Значительное место в преамбуле второго текста занимает аксиологически выделенный образ утраченного дома (*Домик хорошенький был у нас. Такой... ну, только крытый так на' два ската. <...> Наличники были, всё, окна хоро'ши были... <...> Кухня больша-а была! Комнатка-то поменьше. Хороший дом был. Новый, прямо карниз был, и всё хорошо было сделано*), а в развязке намечается подтема «помощь односельчан» (*Таскали нам всё. Вот Колин отец принёс: ведро картошки принёс...; тут моя подруга была, дак она: «Пойдём...» [жить к нам]*). В третьем случае сюжет начинается с предыстории пожара (описание предчувствия беды, разговора крестьянки с деревенскими женщинами и их отказа закончить работу раньше положенного); намечаются подтемы «отношение погорельцев к односельчанке» (*Дак её – ой, её так срамили, ругали так! Хотели даже – она пряталась, её хотели в огонь бросить...*), «взаимоотношения рассказчицы с мужем» (*Ой, Степан приехал – тоже к пеплу. Встреча'т меня бежит – он уважал меня, правда, дружно мы жили...*), дается картина села после пожара (*Коровы на полях были. Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым!*). Получают детальное развитие подтемы «личный ущерб» (*...прям нашишом остались. Картошки все сгорели, пашени'ца была, и рожь была. И мука и... – всё сгорело!..*) и «ущерб для села» (с полным перечислением владельцев сгоревших домов). Таким образом, при сохранении подтем ядерной части повествования второстепенные подтемы в сжатом варианте рассказа могут опускаться, в развернутом – вербализуются.

3. Еще более низкий уровень содержательной вариативности появляется на уровне **детализации повествования** в границах обозначенных тем и подтем. Несовпадение текстов в данном случае проявляется посредством:

а) замены обобщенных названий конкретными и наоборот. Так, местонахождение рассказчицы варьируется от наиболее неопределенной номинации (№ 3: *Степан уехал в Луча'нову, по конба'ину, а я ушла тоже, на поля*) до лексических маркеров, разными способами уточняющих близость повествователя к родному селу (№ 2: *И он [муж] был... в Луча'новой был, а я на Ела'ни была*; № 1: *Степан на полях был где-то, в Луча'нове, а я тоже на полях там, до'ма была*); виновни-

ца происшествия в тексте № 2 *пришла домой, с работы*, в тексте № 3 упоминается название склада, где хранились семена зерновых культур (*пришла, из гос-сорфо'нд-то*);

б) обозначения деталей / пропусков деталей. В тексте № 1, например, героиня *пришла домой* (ср. № 2: *пришла домой, с работы*; № 3: *пришла, из гос-сорфо'нд-то*); только в одном случае упоминается такая деталь старого деревенского быта, как *спичка* – деревянный штырек, на котором висел загоревшийся половик; во всех трех текстах с разной степенью детализации обозначаются этапы процесса стирки (№ 1: *вздумала постираться, постирала, попарила, пошла полоска'ться*; № 2: *сду'мала постира'ться, ушла на' реку полоска'ться*, № 3: *выпарила бельё-то, да пошла полоскать*) и др.;

в) изменения отдельных деталей. В рассматриваемых рассказах они касаются числовых данных и вызваны временной отдаленностью передаваемых событий. В одном из текстов утверждается, что Татьяна Алексеевна *только вза'муж вышла*, а во втором – *вза'мужем была, долго уж жила*; варьируется ее возраст (18–19 лет / 18–20 лет / ещё не было 18 лет) и число сгоревших при пожаре домов (25 / 23).

Все названные выше проявления вариативности обусловлены, очевидно, как общими закономерностями мыслительной деятельности человека по свертыванию / развертыванию смысла в процессе создания текста [9], так и реализацией авторского замысла повествования. В то же время ряд параметров вариативного текста определяется коммуникативными условиями его порождения.

4. В рассматриваемых эпизодах прослеживается определенная зависимость между степенью близости собеседников и **объемом создаваемого спонтанного текста**. Самым кратким является рассказ, обращенный к трем молодым диалектологам, двое из которых встречаются с информантом впервые. Наиболее развернуто описание пожара при общении с собирателем материала, включенным в языковое существование говорящего в течение многих лет. Промежуточный случай представлен рассказом, адресованным пожилой собеседнице, родственнице собирателя.

5. Отношения языковой личности с участниками коммуникации определяют также **коммуникативный регистр повествования** (по Г.А. Золотовой) и связанный с ним **способ представления субъекта речи**.

В тексте № 1 преобладает информативный регистр, характерный для дистанцированного общения. Говорящим используются нейтральные фонетические, лексические и грамматические средства. Эмоциональное начало очень незначительно (встретились лишь единичные *ветерок*, междометие *ой!* и усилительный повтор *долго-долго*). Повествование отстраненное, рассказчик ретуширует свое присутствие за неопределённо-личными конструкциями (*тридцать первого мая сгорели; раньше угли замачивали; ка'жний день печку топили...*), лишь однажды появляется и *вот мы тоже тогда' сгорели*. Рассказ «погружен» в прошлое, однако в одном из высказываний рассказчица переносит повествование в настоящее: *пришла домой, а уж дом-то догора'т у ей*.

В тексте № 2 ядерная часть во многом напоминает первый вариант, однако в обрамляющих его фрагмен-

тах поддерживаются регистры, только намеченные ранее. Особенно усиливается субъективная окрашенность повествования, связанная с подтемой утраченного дома: она проявляется через частотные формы положительной рациональной оценки (*окна хоро'ши были; хороший дом был; всё хорошо было сделано*), диминутив домик, протяжку гласных, восклицательные конструкции (*домик хоро-ошенький был у нас; кухня больша-а была!*). Здесь доминирующим является мы-повествование (*мы тоже там жили подальше; Мы только пять лет прожи'ли; И наш домик-то сгорел, кода мы жили со Степаном-то; А мы жили, де Анна Григорьевна живёт*), в котором рассказчица, мысленно объединяя себя с мужем, передает ситуацию от имени семьи. Конец рассказа отмечен возрастанием доли глаголов настоящего исторического времени (*идёт – уж там пыл, всё пыла'т; приходим – только пеньки одни*), появлением высказывания с чужой речью (*Тут моя подруга была, дак она: «Пойдём...»*).

В тексте № 3 типичное для данной языковой личности сочетание информативной доминанты со сдержанным эмоциональным началом (рассказчиком по-прежнему умеренно используются диминутивы и восклицательные конструкции) дополняется резким усилением репродуктивного регистра, при котором «говорящий из хронотопа происходящего воспроизводит средствами речи сенсорно воспринимаемые действия в их конкретной длительности или последовательной сменяемости, предметы и признаки – в их непосредственной наблюдаемости» [10]. Доверительное общение один на один вызывает передачу обстоятельств, произошедших более полувека назад, так зримо, как будто всё случилось только вчера. Возрастает доля глаголов в настоящем историческом времени, высказываний с прямой речью – имитирующих как реплики отдельных субъектов, так и диалог: *«Да домой подёмте пораньше». <...> – «Ну, чё! Ну да, чё да... Давайте, отдохнёмте!» Ну мне не спится!; С полей-то иду, а тут пеньки, только дымочек идёт!; Он бежит меня, стреча'т: «Ну ничё, не мы одни, ничё, не горюй уж, ну чё, не мы одни...»; Идут – реву-ут коровы, не знают, куда' заходить-то: дым! От мы тогда' к Нюре Ко'лчиной, она: «Вера, пойдёмте к нам!». Текст открыто личностный, преобладает обозначение субъекта через местоимение 1 лица: *Дак а от я тоже так же [сгорела]; Я говорю: «Давайте, порабо'тамте пораньше...»; Ну мне не спится!; И я – с полей-то иду, а тут пеньки...; От сколько я пережила. «Мы»-семейное здесь тоже имеет место, но встречается реже: *Ушли на работу мы: Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля; Напро'ти Поли мы жили-то; От мы тогда' к Нюре Ко'лчиной...***

6. Поскольку представителем народно-речевой культуры всегда учитываются различия в фоновых знаниях участников общения, тексты отличаются также характером **комментариев, выравнивающих эти знания** и предотвращающих коммуникативные неудачи. Так, рассказы 1 и 3 с участием молодых горожанок порождают более развернутые пояснения относительно реалий деревенского быта (*чугу'нка, двухру'шина корзина*) и условий этого быта в прошлом (*ка'жний день печку топили; угли замачивали, самовары-то грели*) – ср. в тексте 2 краткий комментарий для пожилой собе-

седницы, касающийся только употребления *чугунки*. Поясняющий характер имеет также предваряющее антропоним словосочетание *одна женщинына* во втором тексте (*И там одна женщинына – Татьяна Лексе'вна – пришла домой, с работы*).

7. Вариативность текста проявляется также в **использовании средств различных языковых ярусов, имеющих формальные различия при смысловом тождестве или близости**. Отмечено интонационное (№ 1: *Они [угли] вроде бы чёрны изде'лались-то*; № 2: *они чё-орны, угли-то*), морфологическое (№ 1: *Степан на полях был где-то, в Луча'нове*; № 2: *И он был... в Луча'новой был*) и синтаксическое варьирование (№ 1: *Она вы'сыпала чугу'нку-то, а ветерок-то подул, раздул их [угли]*; № 2: *ветер-то стал поддувать, и всё загорелось: эти угли*; № 3: *Они [угли] вроде тёмны; а там окошечко – а их стало раздувать*). На лексическом уровне наиболее широко представлены формальные лексические варианты (№ 1: *чугу'нка*; № 2: *чугу'нка / чугу'н*; № 3: *чигу'нка*; № 1, 2: *половик*; № 3: *половичка, половик*; № 1: *корзина*; № 2: *корзинка*; № 3: *корзина, корзинка*; № 1, 2: *полоскаться*; № 3: *полоскать*; № 1 *постирать / постираться*; № 2: *постираться*), встречаются отдельные синонимические пары (№ 1: *Они [угли] вроде бы чёрны изде'лались-то*; № 2: *они чё-орны, угли-то*; № 3: *Они [угли] вроде тёмны*). В каждом из текстов тема пожара, наряду с ключевыми словами, также поддерживается менее частотными лексемами с семантикой горения (№ 1: *загореться, догорать*; № 2: *обгореть, загореться, пыл, пылать*; № 3: *пожар, спы'хнуть, нагреться, догорать, огонь, дым / дымочек, погореть*).

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, с одной стороны, о наличии константных признаков диалектного дискурса, типичных для представителя народно-речевой культуры,

с другой – о высоком уровне вариативности текстов, порождаемых диалектоносителем в условиях спонтанной речевой деятельности.

Вариативность текста проявляется в реализации способности говорящего к выстраиванию повествования в соответствии с замыслом представления события в ряду других, регулированию степени развернутости рассказа, структурированию текста на частные подтемы (с возможностью выбора порядка их подачи и эллипсизации второстепенных тематических линий); изменению деталей и объема текста, мене коммуникативных регистров и способов представления субъекта речи, наличии / отсутствии поясняющих комментариев, использовании разнообразных по форме и семантике языковых средств.

Вариативность текста обусловлена многими факторами. В числе объективных причин, которые дают говорящему возможность создавать вариативные фрагменты дискурса, – устройство языковой системы, допускающей передачу смысла множеством различных способов, и общие закономерности мышления человека при порождении речи. К субъективным факторам относится степень развития речевой способности *homo loquens*, позволяющая автору текста реализовывать замысел повествования с учетом коммуникативно-прагматической ситуации (в первую очередь – умение чутко реагировать на фактор адресата) и опорой на разнообразие ресурсов, усвоенных из общенародного языка. Поскольку реализация этой способности обусловлена коммуникативной целесообразностью и базируется на богатстве языковых ресурсов диалектной языковой личности, вариативность порождения текста можно считать одним из проявлений высокого уровня народно-речевой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Текст рассматривается как «целостное речевое произведение, коммуникативно обусловленная речевая реализация авторского замысла», единство которой определяется категориями темы (предмета речи), композиции, субъекта (автора), локации, тональности и др. [4. С. 352–353].

²Тексты даны в упрощенной орфографической записи с отражением некоторых произносительных особенностей. Полуужирным шрифтом отмечается эмфатическое ударение. Пояснения диалектолога или его реплики в диалогическом общении с информантом приведены в квадратных скобках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н.И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1. С. 5–22.
2. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25. С. 9–19.
3. Сиротинина О.Б., Беляева А.Ю., Нагорнова Е.В. и др. Зависимость текста от его автора // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998. С. 3–9.
4. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта; Наука, 2003. 432 с.
5. Скворцов Л.И. Язык, общение и культура // Русский язык в школе. 1994. № 1. С. 10–15.
6. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
7. Матвеева Т.В. Тематическое развертывание разговорного текста // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 46–54.
8. Юнаковская А.А. Детерминанты частной языковой картины мира (на примере общерусского просторечия) // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 1998. Вып. 2, ч. 2. С. 195–196.
9. Новиков А.И. Алгоритмическая модель смыслового преобразования текстов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1973. URL: <http://www.childpsy.ru/dissertations/id/19272.php> (дата обращения 17.07.2013).
10. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: сб. науч. тр. к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 284–296. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/zolotova-96.htm> (дата обращения 2.07.2013).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 августа 2013 г.